

Константин Черкасов

**«Поезд уходит без
свистка. Вождь
пролетариата»**

18+

Константин Черкасов

**«Поезд уходит без свистка.
Вождь пролетариата»**

«Автор»

2026

Черкасов К.

«Поезд уходит без свистка. Вождь пролетариата» / К. Черкасов —
«Автор», 2026

Он лежит в Мавзолее уже больше ста лет. Миллионы прошли мимо его тела, но никто не знал: внутри воскового истукана продолжается агония. Ленин застрял между жизнью и смертью, между верой и отрицанием, между величием и преступлениями. Он построил социалистическое государство, дал надежду миллионам, уничтожил церкви, расстрелял священников и приказал убить царскую семью. За все пришлось платить. Умирая в Горках, он попадает в поезд — бесконечный, холодный. Его попутчики — архангел Михаил и демон Темптер. Они проведут его через круги собственной истории. В поезде он встретит царскую семью, священников, соратников, ученых-атеистов — всех, кого убил или предал. Каждая встреча — удар по гордости. Каждое прощение обжигает сильнее наказания. Но самое страшное в конце: он увидит наследие, мир, который построил, и Бога, которого отрицал. Мистическая, жестокая история о суде над совестью. О том, как гордыня становится тюрьмой, а покаяние — единственным ключом к свободе.

© Черкасов К., 2026

© Автор, 2026

Константин Черкасов

«Поезд уходит без свистка. Вождь пролетариата»

«Поезд уходит без свистка. Вождь пролетариата»

Глава 1. Субъективное мнение сочинителя

Это только моё, писателя, субъективное мнение. Всё нижеизложенное — вымысел, болезненный бред воспаленного сознания, которое пытается уложить в рамки логики нелогичное бытие русского человека. Однако, как говорил один из героев, «если бред подчиняется законам грамматики, значит, он имеет право на существование».

Он лежал на спине, и веки его были сомкнуты с такой невозможной, почти оловянной тяжестью, будто их придавили свинцовыми пластинами.

Пахло мазутом, сыростью и терпким запахом старого бархата, который впитывает в себя пот тысяч человеческих тел, приходящих поклониться истукану.

Владимир Ильич Ульянов, он же Ленин — вождь, пророк, разрушитель и созидатель — не знал, жив он или мертв. Тело его давно перестало слушаться, превратившись в восковую куклу, идеально от препарированную руками учеников. Но *душа*, если таковая у него вообще была, — метался в тесной клетке черепа, как загнанный зверь.

Он слышал приглушенный гул шагов над головой. Там, на поверхности, по брусчатке Красной площади стучали каблуки туристов, цокали копыта лошадей, гремели гитары. Жизнь кипела там, наверху, в мире, который он перекроил по своему разумению.

Именно там, в мире живых, он сотворил великие дела. Он открыл путь в будущее для миллионов, даровал им свет школ и фабрик, обуздал разруху и создал первую в мире страну рабочих и крестьян. Он подарил надежду угнетенным и страх — угнетателям. Он мыслил глобально, он точил свой разум о точильный камень марксизма, и от этого разума звенела сталью история.

Но там же, в этом мире, он отменил Бога.

Он не просто перестал верить — он вычеркнул Творца из бытия логическими силлогизмами и декретами. Он приказал сбросить колокола с колоколен, и те падали вниз, разбиваясь оземь с таким грохотом, что земля стонала. Он приказал расстреливать священников. Он делал это хладнокровно, как хирург ампутирует гангрену, считая веру инфекцией, поразившей народный организм.

И вот теперь, спустя сто лет покоя, который не был покоем, он чувствовал, как эти колокола падают снова — теперь уже на его грудную клетку. Тяжесть металла, тяжесть камня, тяжесть чужого страха. Страх, который он посеял, но никогда не чувствовал сам. Впервые за свою жизнь, лежа в этом стеклянном гробу, окруженный почетным караулом, он ощутил животный, липкий, иррациональный *ужас*.

«Странно, — подумал он. — Я ведь никогда не боялся смерти. Я боялся только поражения».

Влага начала запотевать на стекле саркофага изнутри. Это не был конденсат от дыхания — его дыхания не было. Это был пот, выступивший от страха на его нетленной коже.

Он не мог пошевелить рукой, не мог позвать на помощь. Он слышал только тиканье маятника Кремлевских курантов. И в этом тиканье ему чудился перестук колес. Где-то далеко, под землей, шел поезд. Поезд без свистка.

Скоро он будет на нем. И там, в тамбуре этого проклятого вагона, он встретит тех, кого предал, и тех, кто предал его, и тех, кто не верил в Бога, как и он сам. Они будут смотреть

на него мертвыми глазами и спрашивать: *«Ну что, Ильич, весело тебе на Красной площади? Чувствуешь себя экспонатом?»*

Но он молчал. Потому что молчание — единственная роскошь, которая осталась у диктаторов после смерти.

Глава 2. Истукан у Кремлевской стены

Он лежал на спине, и это было единственное положение, которое он мог себе позволить уже почти век.

Веки его были сомкнуты, но зрачки под ними жили своей отдельной, мучительной жизнью, дергаясь в такт полузабытым ритмам. Он не мог поднять руку, чтобы потереть переносицу — жест, который он обычно делал, когда его одолевала мигрень. Руки были сложены вдоль туловища, пальцы аккуратно прижаты друг к другу, словно у покойника. И он был покойником. Но это был не сон, а пограничное состояние, когда сознание не отключается, а лишь наливается свинцом, становясь тяжелее всего тела.

Сквозь веки он чувствовал свет.

Он пробивался тусклым, желтоватым сиянием, падающим сверху, откуда-то из-под сводов Мавзолея. Электрические лампы — те самые, которые он сам когда-то планировал заменить на лампочки Ильича, чтобы осветить всю страну. Ирония судьбы: его же изобретение освещало теперь его труп.

Где-то над головой, за толстым бронированным стеклом, шла жизнь. Он слышал приглушенный гул голосов — они доносились до него, как сквозь вату, растянутые, неестественные, похожие на говор с того света. Детский смех. Шарканье подошв по мрамору. Иногда — всхлипывания старух, которые прикладывали платки к глазам, глядя на его высохшее лицо.

«Дурачье, — с горечью думал он. — Стоило ли воевать, голодать, строить заводы в мороз, чтобы вы сейчас стояли тут и плакали над балзамированным овощем?»

Однако в голосах слышалось и другое: равнодушие, любопытство зевак, щелчки объективов фотоаппаратов. Туристы с Запада, с Востока, все одинаково пялились на него, как на музейный экспонат. И он действительно был экспонатом — самым дорогим, самым охраняемым, самым мертвым экспонатом в мире.

Запахи.

Они просачивались сквозь стекло и резину уплотнителей. Пахло хвоей от кремлевских елей, которыми устилали аллеи к праздникам. Пахло пылью, оседающей на его лице крошечными серыми частицами. Пахло каким-то химическим составом — формалином, глицерином, еще чем-то, что удерживало его плоть от распада, заставляя кожу походить на старую, пожелтевшую бумагу.

Но самым ужасным был запах самого себя.

Он чувствовал, как от него исходит тонкий, сладковатый аромат тлена. Не тот резкий, отвратительный запах разложения, что бьет в ноздри на кладбищах, — нет. Это было нечто другое: запах консервированного времени, запах вечности, которая застряла в одной точке и больше не движется. Этот запах оседал на его языке — сухом, неподвижном, приклеенном к нёбу.

Он попытался сглотнуть.

Не получилось.

Горло сжалось, словно в тиски. Мышцы, которые когда-то с такой силой сжимались, когда он произносил свои пламенные речи с броневика, теперь одеревенели. Он мог лишь лежать и чувствовать, как слюна, которой не было, скапливается где-то глубоко внутри, не находя выхода.

«Я — мумия, — вдруг отчетливо осознал он. — Я должен был сгореть в огне революции, рассыпаться пеплом по ветру истории. А меня заспиртовали, как лягушку для опытов. Кто дал им право?»

Он хотел закричать. Разомкнуть эти проклятые веки, которые ему кто-то склеил, и распахнуть глаза. Он хотел вскочить с этого бархатного ложа, опрокинуть саркофаг, разбить стекло и выбежать на улицу, в холодный московский воздух, вдохнуть его полной грудью и заорать: «Я жив!»

Но он не мог даже шевельнуть мизинцем.

Пальцы на его левой руке — той самой, которой он когда-то подписывал декреты, отправлявшие людей на смерть, — лежали неподвижно. Он пытался сосредоточить всю свою волю на кончике указательного пальца, заставить его дрогнуть. Он видел этот палец внутренним взором: бледный, с аккуратно подстриженным ногтем, с едва заметной желтизной на фаланге.

Никакой реакции.

Тело предало его. Или оно никогда и не принадлежало ему? Может быть, он был лишь гостем в этой восковой оболочке, и теперь его выселили, оставив одного в темноте.

Свет стал мигать.

Тусклые лампы под потолком заморгали, и на мгновение Мавзолей погрузился в полумрак. В этом полумраке он увидел нечто странное, хотя глаза его были закрыты. Видение проходило прямо через веки, впечатываясь в сетчатку, как кинокадр.

Тени.

Они двигались вдоль стен, где стояли красные знамена и траурные венки. Тени, которых не должно было быть. Тени людей, которых он знал. Кто-то в пенсне. Кто-то с бородкой клинышком. Тени расстрелянных священников — в черных рясах, с крестами на шее, с пулевыми отверстиями во лбах. Они стояли у его изголовья и смотрели на него сверху вниз.

Вот они, его судьи. Молчаливые.

— Убирайтесь! — мысленно закричал он. — Вы — пережиток прошлого! Ваше время прошло!

Но тени не уходили. Одна из них — высокая, в разорванной ризе — протянула к нему руку. И он почувствовал, как холодные пальцы коснулись его лба.

Холод пронзил его насквозь, от макушки до пяток, проходя по позвоночнику, как игла. Он ощутил себя ледяной глыбой, лежащей в центре вечной мерзлоты. Невыносимо.

«Они меня мучают, — понял он. — Они не могут простить мне колокола. Они хотят, чтобы я страдал».

Но он был атеистом. Он не верил в Бога, не верил в душу, не верил в загробную жизнь. И если эти тени реальны, то что это? Галлюцинации? Игра воспаленного сознания? Или...

...или он действительно ошибался?

Страх, тот самый липкий, иррациональный страх, который он никогда не признавал при жизни, заползал в его душу, как таракан в темный угол. Он боялся не смерти — он уже был мертв. Он боялся того, что сейчас происходит с ним. Боялся, что это никогда не кончится. Боялся, что он застрял здесь навсегда, между жизнью и смертью, между верой и отрицанием, между своим величием и своей жестокостью.

Гул голосов над головой стих.

Тени исчезли.

Свет снова стал ровным, тусклым, желтым.

И в наступившей тишине он услышал звук. Далекий, едва различимый, но нарастающий. Стук колес. Поезд шел. Не по рельсам — по его черепу, по его венам, по его аорте. Он приближался.

«Где я?» — спросил он себя.

Но ответа не было.

Только стук, только холод и все тот же тошнотворный, сладковатый запах формалина, смешанного с его собственным разложением.

Он понял: скоро поезд прибудет. И тогда уже не будет ни Мавзолея, ни Красной площади, ни этих глупых туристов с фотоаппаратами. Будет только вагон. Бесконечный, душный, где нет ни окон, ни дверей, только верхняя полка, на которой он лежит, и двое попутчиков, которые уже ждут его.

Он слышал, как они дышат. Один — ровно, холодно. Другой — с присвистом, с едва сдерживаемым смешком.

«Ильич, — шепнул кто-то из темноты, — ты думал, что победил? Ты думал, что уйдешь от ответа? Нет. Твой поезд еще не прибыл... Но он уже в пути».

Глаза его дернулись под веками.

Тело осталось неподвижным.

Но внутри, где-то глубоко-глубоко, в самом центре его застывшего сознания, что-то сжалось в комок и заплакало. Впервые за всю свою жизнь. Он заплакал.

Слезы не текли по его щекам — слезных желез давно не было. Но душа, если она есть, плакала молча.

Мавзолей молчал.

Куранты пробили полдень.

И поезд все уже приближался.

Глава 3. Те, кто проходят мимо

Он лежал и считал шаги.

Это была единственная игра, которую он мог себе позволить. Ступени Мавзолея, по которым спускались посетители. Десять ступеней вниз, поворот налево, ещё пять ступеней, и вот они — перед ним. Он слышал, как меняется звук их шагов, когда они переступали порог святилища. Сначала — гулкая пустота лестницы, затем — мягкий, приглушённый шаркающий звук по ковровой дорожке, затем — полная тишина.

Они останавливались.

И смотрели.

Он чувствовал на себе их взгляды, как чувствуют кожей приближение грозы. Тяжёлые, влажные, живые взгляды, которые впились в его восковую кожу, сканировали каждую морщинку на лице, каждый седой волосок, оставшийся на голове. Они искали в нём что-то. Великого человека. Отца нации. Демона. Бога.

А он лежал и не мог ответить им взаимностью.

«Интересно, — думал он, — что они видят? Может быть, я для них просто восковая фигура, выставленная на потеху? Или они чувствуют то же, что и я, — эту странную, липкую тяжесть в груди, когда стоишь напротив саркофага?»

Он пытался представить их лица. Мужчины, женщины, дети. Те, кто пришёл сюда не из любопытства, а из какой-то глубокой, почти религиозной потребности. Они стояли здесь, перед ним, и молчали.

Иногда кто-то шептал.

— Ильич, — говорили они, и голоса их звучали по-разному. У одних — с мольбой, у других — с укором, у третьих — с вопросом. — Ильич, что же ты наделал?

И он хотел ответить им. Вскочить, распахнуть глаза, разбить этот проклятый стеклянный саркофаг и закричать: «Я сделал всё правильно! Я построил новый мир! Я дал вам надежду!»

Но он не мог.

Язык его одеревенел, прилип к нёбу, и только горло издавало едва слышный, булькающий звук, который никто не мог расслышать за толстым стеклом.

Иногда приходили дети.

Он чувствовал их по лёгкости шагов. Они не шаркали, они почти летали над ковровой дорожкой, и их дыхание было быстрым, поверхностным. Они не боялись его. Они просто смотрели широко раскрытыми глазами на странного дядю, который лежит в стеклянном ящике и не дышит.

— Мама, а он спит? — спрашивал один из них, и голос его звенел, как колокольчик.

«Да, — мысленно отвечал Ленин. — Да, я сплю. Сто лет сплю. И мне снятся кошмары. Только проснуться я не могу, потому что кто-то зашил мне веки и вырезал язык».

Однажды, в день какого-то праздника, когда поток посетителей был особенно плотным, он услышал голос, который заставил его сердце — мертвое, пересохшее сердце, — сжаться. Это был женский голос, звонкий и чуть надрывный, с едва заметной картавостью.

— Володя, — сказала она, — посмотри, какой он красивый.

Он знал этот голос. Он не мог его забыть. Он был голосом его матери, Марии Александровны, которую он не видел больше сорока лет. Она пришла к нему?

Нет. Не могла. Она умерла. Она давно умерла, ещё до революции.

Но голос был здесь, прямо над его ухом, горячий и живой.

— Володя, — повторила она, — зачем ты это сделал? Зачем ты убил царя?

Он хотел закричать: «Мама! Я не убивал! Это не я! Это приказ! Это история!»

Но голос уже исчез, растворился в гуле других голосов, и только эхо осталось в его голове, отражаясь от черепной коробки, как от колодца.

Он понял: это не его мать. Это была иллюзия. Галлюцинация. Или же... или же это его совесть, принявшая образ матери, чтобы достучаться до него.

Но у него не было совести. Он сам так считал. Совесть — это пережиток, буржуазный предрассудок. Для дела революции совесть нужно было отбросить, как старую обувь.

Однако сейчас, лёжа в этом стеклянном гробу, он понял, что совесть не отбрасывается. Она застревает где-то внутри, как пуля, которую не вырезали. И она болит. Каждую минуту. Каждый час.

Он вдруг вспомнил один момент из своей жизни. 1918 год. Кремль. Он сидел в своём кабинете, перед ним лежал список фамилий — тех, кого нужно было расстрелять. Священники, офицеры, просто несогласные. Он брал перо, макал его в чернила и вычёркивал фамилии.

«Это необходимо, — говорил он себе. — Это ради будущего. Ради детей. Ради новой жизни».

Но сейчас, лёжа в Мавзолее, он не был уверен. Он не был уверен ни в чём.

Тени снова появились.

Они стояли за стеклом саркофага, но теперь их было больше. Десятки, сотни теней. Они смотрели на него сквозь стекло, и их глаза горели холодным огнём. Священники с крестами. Офицеры с пулевыми отверстиями. Крестьяне, умершие от голода в Поволжье. Рабочие, задохнувшиеся на стройках. Дети, убитые в Гражданскую.

Они смотрели на него.

И он смотрел на них.

«Вы хотите, чтобы я покался? — подумал он. — Но я не могу. Моя гордость — это моя суть. Если я покаюсь, я перестану быть собой. Я стану таким, как вы».

Но тени молчали. Они лишь стояли и ждали. Чего? Смерти? Но он уже был мёртв. Прощения? Но он не знал, как просить прощения.

Вдруг одна из теней шагнула вперёд.

Это была фигура в длинной белой рясе, с седой бородой и глазами, которые светились изнутри, как лампочки.

— Ты отрицал Бога, Владимир Ильич, — сказала тень голосом, который звучал сразу со всех сторон. — Ты отрицал Его существование. Ты уничтожил Его храмы. Ты убил Его слуг. Но Он не умер. Бог не может умереть. Это ты можешь умереть, и ты умер. Но Бог остался.

— В Бога не верят люди, — мысленно ответил Ленин. — Только слабые и тёмные. Я же видел, как мир устроен. Никакого Бога нет. Есть только классовая борьба и диалектика.

— У тебя было много слов, — сказала тень. — Слов, слов, слов. Но слова не заполняют пустоту. Ты думал, что создашь рай на земле? Ты создал пустоту. И теперь ты лежишь в этой пустоте.

Тень исчезла. Остальные тени тоже начали таять, растворяться в тусклом свете ламп, и вскоре Мавзолей снова опустел.

Только шаги. Они продолжали звучать над головой.

Посетители шли, смотрели, уходили. Им не было до него дела. Для них он был просто экспонатом, символом, воспоминанием.

А он лежал и думал.

«Если нет Бога, — спрашивал он себя, — то почему я не могу умереть окончательно? Почему я до сих пор чувствую боль? Почему я слышу голоса? Почему я вижу тени?»

Ответа не было.

Только тишина. И запах формалина. И нарастающий стук колёс, который становился всё громче, всё ближе, всё реальнее.

«Поезд, — понял он. — Он скоро будет здесь. И тогда я сяду в него. Я поеду. И никто не остановит меня. Никто, кроме меня самого».

Снаружи, на Красной площади, завывала сирена. Машина скорой помощи проехала куда-то, мигая красным светом, который на мгновение осветил стены Мавзолея.

И в этом красном свете он увидел своё отражение в стекле саркофага.

Он смотрел на себя. На своё восковое лицо. На свои закрытые глаза. На свои сложенные руки.

И он понял, что не узнаёт себя.

«Кто я? — спросил он. — Я — Ленин. Я — вождь. Я — великий человек. Но почему я чувствую себя маленьким и ничтожным? Почему я боюсь?»

Потому что он знал: скоро поезд придёт за ним. И там, в этом поезде, ему придётся встретиться с теми, кого он послал на смерть.

Они ждут его.

Они всегда ждали.

И сейчас их терпение подходило к концу.

Он слышал, как поезд приближается. Стук колёс становился громче, отчётливее, он уже не просто раздавался где-то далеко — он стучал у него в висках, в груди, в каждом нервном окончании.

«Скоро, — подумал он. — Скоро всё начнётся».

И в этот момент он понял, что боится не смерти. Он боится того, что увидит в поезде.

Он боится правды.

А правда всегда была его врагом.

Глава 4. Плоть и время

Он чувствовал, как время разъедает его изнутри.

Это было странное ощущение — не боль, нет. Боль осталась где-то в прошлом, вместе с живыми нервами и бьющимся сердцем. Это было нечто иное: медленное, неумолимое, похожее на то, как вода точит камень. Он лежал в своем стеклянном гробу, и каждая секунда оставляла на нем невидимый след.

Сначала он думал, что его тело законсервировано навсегда. Ученые, врачи, те, кто бальзамировал его после смерти, — они говорили, что он пролежит века. Кожа его была эластичной, черты лица — узнаваемыми, поза — торжественной. Мумия, достойная фараонов.

Но теперь он чувствовал иначе.

Где-то глубоко внутри, под этой восковой оболочкой, происходило что-то необратимое. Клетки, которые когда-то были живыми, теперь медленно превращались в пыль. Не так, как у обычных мертвецов — не с гниением и запахом разложения. Нет. Они просто... исчезали. Растворялись. Оставляя после себя пустоту.

Он попытался пошевелить пальцами ног — теми, что были скрыты под черными брюками и начищенными ботинками. Никакой реакции. Но он чувствовал, что пальцев больше нет. Вернее, они есть — внешне они всё еще там, целые и невредимые. Но внутри, под кожей, кости превратились в труху, а мышцы — в сухой, рассыпчатый песок.

«Я рассыпаюсь, — понял он с ужасом. — Я становлюсь пустотой внутри своего собственного тела».

Он вспомнил, как в молодости, еще до революции, читал древние египетские папирусы. Фараонов бальзамировали, чтобы они жили вечно. Но их мумии тоже разрушались — постепенно, незаметно, превращаясь в прах. И вот теперь он был одним из них.

«Но я же не фараон, — с горечью подумал он. — Я — человек нового времени. Я — атеист. Я не верю в загробную жизнь. Почему же я до сих пор здесь? Почему я не исчез?»

Вопрос повис в пустоте, как муха в паутине.

И вдруг он понял: его держат здесь не ученые и не бальзамировщики. Его держит здесь что-то другое. Какая-то сила, которая не позволяет ему уйти. Которая заставляет его лежать на этом бархатном ложе и чувствовать, как разрушается его тело.

«Это проклятие, — пронеслось в его голове. — Меня проклинали. Те, кого я расстрелял. Те, чьи храмы я разрушил. Они не дают мне умереть окончательно. Они хотят, чтобы я страдал».

Где-то в глубине его сознания всплыла картина: 1918 год, подвал Ипатьевского дома. Царская семья стоит у стены. Он, Ленин, подписывает приказ. Выстрелы. Крики. Кровь на обоях. И последний взгляд Николая II — спокойный, почти прощающий.

«За что? — спросил тогда царь, но ответа не последовало. Они не считали нужным объяснять свои действия врагам. — За что, люди?»

Теперь он знал ответ. За то, чтобы лежать здесь. За то, чтобы чувствовать, как его тело разрушается. За то, чтобы не иметь возможности ни умереть, ни жить.

Он попытался открыть глаза.

Ничего не произошло. Веки были как каменные, сросшиеся с кожей. Но он чувствовал, что за ними — пустота. Глазные яблоки тоже начали разрушаться. Еще немного, и они превратятся в две сухие горошины, которые будут кататься внутри его черепа.

«Я слепну, — подумал он. — Я уже слеп. Я ничего не вижу. Только темнота».

Но это было не совсем так. Он видел. Не глазами — какой-то другой частью своего сознания. Он видел Мавзолей, посетителей, тени. Он видел их как бы изнутри, как будто смотрел на мир через замочную скважину.

И в этой скважине он видел то, что не могли видеть живые.

Он видел, как время текло сквозь него. Золотые песчинки сыпались на его грудь, проходили сквозь плоть, оседали на костях. Каждая песчинка была секундой. Каждая уносила с собой частичку его существа.

«Сколько же их уже накопилось? — спросил он себя. — Сто лет? Двести? Тысяча? Я потерял счет времени. Я даже не знаю, какой сейчас год. Может быть, я лежу здесь уже целую вечность».

И в этот момент он услышал голос.

Тихий, мягкий, почти ласковый. Он исходил откуда-то из угла Мавзолея, из той темной ниши, где хранились траурные венки.

— Владимир Ильич, — сказал голос. — Ты чувствуешь, как уходит твоё время?

Ленин попытался повернуть голову на звук. Не получилось. Но он чувствовал, что голос приближается. Вот он уже рядом, прямо у его изголовья.

— Кто здесь? — мысленно спросил он.

— Я тот, кто был с тобой всегда, — ответил голос. — Тот, кого ты не замечал. Тот, кто вел тебя по жизни. Я — твой ангел-хранитель. Точнее, то, что от него осталось.

Ленин замер. Ангел-хранитель? Но он не верил в ангелов. Он не верил ни в каких духовных сущностей. Это была поповская сказка, которую он презирал.

— Убирайся, — мысленно сказал он. — Ты — галлюцинация. Плод моего больного воображения.

— Нет, Владимир Ильич, — мягко возразил голос. — Я реален. Я был с тобой с самого рождения. Я охранял тебя в детстве, когда ты падал с велосипеда. Я был с тобой в ссылке, когда ты замерзал в сибирской избе. Я был с тобой в Смольном, когда ты принимал власть. И я был с тобой в Горках, когда ты умирал.

— Ты лжешь! — мысленно закричал Ленин. — Если бы ты был со мной, ты бы не дал мне умереть! Ты бы не дал мне лежать здесь!

— Я не мог тебе помочь, — сказал голос с печалью. — Потому что ты отказался от меня. Ты отказался от всего, что было святым. Ты сказал: «Бога нет». И когда ты это сказал, ты убил меня. Я умер вместе с твоей верой.

Ленин почувствовал, как по его восковому лицу пробежала дрожь.

— Что ты говоришь?

— Я был твоим ангелом, Владимир Ильич, — повторил голос. — Но теперь я мертв. Я просто тень. И я пришел сказать тебе, что ты скоро отправишься в путь. В поезд. Туда, где тебя ждут.

— Какой поезд? — спросил Ленин, хотя уже догадывался.

— Тот, который всегда ходит без свистка, — ответил голос. — Тот, который везет мертвых душ. Ты думал, что после смерти будет пустота? Нет. Будет поезд. Долгий, темный, холодный. И ты поедешь на нем.

Ленин почувствовал, как его грудь сжалась от страха. Не физического — того страха, который он никогда не испытывал при жизни. Это был страх перед неизвестностью. Перед тем, что ждет его впереди.

— Что я увижу там? — спросил он.

— Ты увидишь тех, кого убил, — ответил голос. — И тех, кто убил себя из-за тебя. Ты увидишь священников, которых расстрелял. Царскую семью. Соратников, которых предал. Ученых, которые отрицали Бога, как и ты. Они все будут там. И каждый расскажет тебе свою историю.

— Но я не хочу их видеть! — мысленно закричал Ленин. — Я не хочу слышать их истории!

— Ты должен, — сказал голос. — Это твоё наказание. Ты отменил Бога — теперь ты будешь смотреть в глаза тем, кого Бог создал. Ты разрушил храмы — теперь ты будешь слушать их голоса. Ты расстрелял священников — теперь ты будешь молить их о прощении.

— Я не буду молить! — взорвался Ленин. — Я никогда не прошу прощения! Я прав!

— Ты прав, — тихо сказал голос. — Ты всегда был прав. Но правда не спасет тебя. Правда — это только факты. А факты говорят: ты убил. Ты солгал. Ты предал. И теперь ты заплатишь за это.

Голос замолчал.

Ленин лежал неподвижно, чувствуя, как его тело продолжает разрушаться. Теперь он ощущал это яснее, чем когда-либо. Кожа на его руках начала трескаться, словно старая бумага. Волосы на голове стали ломкими и сухими, как солома. Даже кости, которые когда-то были крепкими, теперь казались хрупкими, как стекло.

«Я не хочу умирать, — подумал он. — Но я уже мертв. И я не хочу ехать в этом поезде. Но я поеду. Потому что у меня нет выбора».

Вдруг он услышал звук. Громкий, отчетливый, металлический. Это был звук открывающейся двери. Где-то наверху, у входа в Мавзолей, кто-то вошел.

Ленин напряг слух.

Шаги. Тяжелые, уверенные, мужские. Они спускались по лестнице, приближаясь к саркофагу. Кто-то шел к нему. Не посетитель — посетители ходили тихо, боязливо, шелестя одеждой. Этот шел так, как ходят хозяева. Как будто он имел право быть здесь.

Шаги остановились прямо у стекла.

Ленин почувствовал на себе чей-то взгляд. Он был тяжелым, пронзительным, почти осязаемым. Кто-то смотрел на него. Кто-то, кто знал его.

— Привет, Ильич, — раздался голос. Низкий, хриловатый, с едва заметной усмешкой. — Ну что, лежишь? Отдыхаешь? А я вот пришел тебя проведать. Ты ведь меня узнаешь?

Ленин не мог ответить. Но он узнал этот голос. Он знал его сто лет назад. Это был голос человека, с которым он работал плечом к плечу. Человека, которого он боялся. Человека, который пережил его и умер только через много лет.

«Сталин, — подумал Ленин с ужасом. — Это Сталин. Но как он может быть здесь? Он же мертв. Он умер в 1953 году. Он лежит в Кремлевской стене...»

— Да, да, Ильич, — усмехнулся голос. — Это я. Твой верный ученик. Тот, кто продолжил твоё дело. Только вот, знаешь, я перед смертью покаяться. Представляешь? Я, Иосиф Виссарионович, стоял на коленях и молился. И Господь меня простил.

Ленин хотел закричать, но не мог. Голос застрял у него в горле, как кость.

— А ты вот не покайся, — продолжал Сталин. — И теперь лежишь здесь. Ждешь поезда. И знаешь, что самое смешное? Ты поедешь в этом поезде один. А я — нет. Я уже прощен. Я уже в Раю.

— Ты лжешь! — мысленно закричал Ленин. — Ты не мог покаяться! Ты — Сталин! Ты убил миллионы!

— Я убил миллионы, — согласился голос. — Но я попросил прощения. А ты не попросил. Ты даже не признал своей вины. Ты думал, что все делаешь правильно. Но правда — она не всегда правильна, Ильич. Иногда правда — это просто правда. И она тебя убьет.

Голос замолчал.

Шаги начали удаляться. Кто-то поднимался по лестнице, уходя из Мавзолея. Ленин слышал, как шаги стихают, как хлопает дверь. И снова — тишина.

Только стук поезда.

Он становился все громче, все отчетливее. Теперь Ленин слышал его не только головой — он чувствовал его всем телом. Поезд приближался. Он был уже совсем близко.

«Скоро, — подумал Ленин. — Скоро я сяду в него. И тогда начнется настоящий ад».

Тело его продолжало разрушаться. Кожа трескалась, кости крошились, плоть превращалась в пыль. Но он не исчезал. Он оставался здесь, в этом стеклянном гробу, чтобы встретить свой поезд. Он шел за ним и уже почти прибыл.

Глава 5. Исчезновение ангела

Он лежал и слушал, как умирает тишина.

Это было странное ощущение — тишина не просто заканчивалась, она истончалась, как старая ткань, сквозь которую начинала проступать другая, более глубокая реальность. Сначала

он слышал только стук своего собственного сердца — но сердца у него не было. Потом — дыхание — но легкие его давно высохли. А затем, сквозь эту мертвенную тишину, пробился звук, который он не мог объяснить.

Это был скрип.

Медленный, тягучий, похожий на тот, что издают старые половицы в заброшенном доме. Скрип шел откуда-то сверху, из-под сводов Мавзолея, и усиливался с каждой секундой.

«Что это? — подумал Ленин. — Кто-то ходит там, наверху?»

Но нет. Это не были шаги. Шаги он слышал сотни раз за эти годы — они были ритмичными, живыми, человеческими. А этот звук был механическим, металлическим, холодным. Как будто кто-то водил ржавым гвоздем по стеклу.

Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть источник звука, но мышцы шеи отказались подчиняться. Они одеревенели, превратившись в сухожилия, которые вот-вот должны были лопнуть. И все же, сквозь неподвижные веки, он увидел.

В углу Мавзолея, там, где стена смыкалась с потолком, появилась трещина.

Она была тонкой, едва заметной, похожей на паутину. Но она росла. Медленно, неумолимо, она расползалась по штукатурке, оставляя за собой черную пустоту. Из этой пустоты тянуло холодом.

«Мавзолей разрушается, — понял Ленин. — Сейчас он рухнет. И я останусь под обломками. Навсегда».

Но трещина не расширялась до конца. Она остановилась на полпути, превратившись в темную щель, из которой кто-то смотрел на него.

Да, он чувствовал взгляд. Тяжелый, холодный, древний. Он шел из этой щели, как шел отовсюду, где есть тьма.

— Ты звал меня? — раздался голос.

Он был тихим, почти ласковым. Но в нем чувствовалась сила, которая могла раздавить гору.

Ленин хотел ответить: «Я не звал тебя. Убирайся». Но слова застряли у него в горле.

— Ты звал меня, — повторил голос. — Ты звал меня всю свою жизнь. Ты просто не знал этого. Ты думал, что зовешь справедливость. Или народ. Или будущее. Но это был я. Всегда я.

— Кто ты? — мысленно спросил Ленин.

— Я тот, кто был с тобой в самые темные часы, — ответил голос. — Я тот, кто помогал тебе принимать решения. Я тот, кто шептал тебе на ухо, когда ты подписывал приказы. Я — твой страх. Твой самый глубокий, самый настоящий страх. Тот, который ты никогда не признавал.

Ленин почувствовал, как холод проникает в его тело. Он полз по позвоночнику, по ребрам, по черепу, превращая кости в лед.

— Ты — иллюзия, — мысленно сказал он. — Мой больной разум создает тебя, чтобы наказать себя.

— Нет, — возразил голос. — Я — не иллюзия. Я — реальность, которую ты отрицал. Ты отрицал Бога, и Бог ушел от тебя. Ты отрицал душу, и душа покинула тебя. Ты отрицал ангелов, и твой ангел умер. Но меня ты не можешь отрицать. Потому что я — это ты сам. Твоя тень. Твоя тьма. Твоя вина.

Голос замолчал.

Трещина в стене начала пульсировать, как живая рана. Из нее потянуло запахом — тяжелым, сладковатым, похожим на запах старой крови. И в этом запахе Ленин узнал что-то знакомое. Это был запах 1918 года. Запах подвала Ипатьевского дома. Запах смерти.

— Нет, — прошептал он мысленно. — Нет. Только не это.

— Да, — сказал голос. — Это. Ты думал, что забыл? Ты думал, что время залечивает раны? Время не лечит, Владимир Ильич. Время только делает раны глубже. И сейчас ты почувствуешь их все. До единой.

Ленин почувствовал, как его тело начинает меняться. Кожа, которая еще минуту назад была сухой и потрескавшейся, вдруг стала влажной. Она набухла, как губка, впитывающая воду. И эта вода была не водой — это была кровь.

Кровь сочилась из его пор, капала на бархатное ложе, стекала по стеклу саркофага. Красная, густая, горячая. Она пахла железом и страхом.

«Это не моя кровь, — понял Ленин. — Это кровь тех, кого я убил. Она возвращается ко мне. Она хочет, чтобы я захлебнулся в ней».

Он попытался закричать, но рот его был плотно закрыт. Он попытался открыть глаза, но веки были сшиты невидимыми нитками. Он мог только лежать и тонуть в собственной вине.

Трещина в стене распахнулась.

Из нее хлынул свет — не тот желтый, электрический свет, который горел в Мавзолее. Это был другой свет. Холодный, голубоватый, похожий на северное сияние. Он заливал помещение, превращая тени в призраков.

И в этом свете Ленин увидел фигуру.

Она стояла прямо перед ним, по ту сторону стекла. Это был мужчина в длинном черном плаще, с седой бородой и глазами, которые горели, как две звезды. Он был высоким, почти гигантским, и от него исходила мощь, которая заставляла воздух дрожать.

— Ты — ангел? — спросил Ленин.

— Я был ангелом, — ответил мужчина. — Твоим ангелом-хранителем. Но ты убил меня.

Он протянул руку к стеклу, и Ленин увидел на ней рану — глубокую, кровоточащую, такую же, как у распятого Христа.

— Как я мог убить тебя? — спросил Ленин. — Я никогда не видел тебя.

— Ты не мог видеть меня, — сказал ангел. — Ангелов не видят живые. Но я был рядом. Я охранял тебя, когда ты спал. Я шептал тебе правильные мысли, когда ты сомневался. Я защищал тебя от пуль, когда ты шел к власти. И я умирал каждый раз, когда ты подписывал смертный приговор.

Ленин почувствовал, как его горло сжалось от спазма.

— Ты видел, что я делал? — спросил он.

— Я видел всё, — ответил ангел. — Каждое убийство. Каждое предательство. Каждое разрушенное сердце. И я не мог остановить тебя. Потому что ты был свободен. Ты выбрал свой путь. Ты выбрал тьму.

— Но я делал это ради людей! — мысленно закричал Ленин. — Ради будущего! Ради счастья!

— Ты думал, что делаешь ради людей, — сказал ангел. — Но люди не просили тебя об этом. Бог не просил тебя об этом. Ты убил Его и убил меня, чтобы стать богом самому. И теперь ты лежишь здесь. Один. В стеклянном гробу. И твой поезд уже едет за тобой.

Ангел отнял руку от стекла.

На том месте, где была его ладонь, остался отпечаток — кровавый, горящий, впитывающийся в стекло, как кислота.

— Прощай, Владимир Ильич, — сказал ангел. — Мы больше не увидимся. Ты убил меня окончательно. И теперь у тебя нет хранителя. Ты один в этом и в том мире.

Он начал таять, растворяться в голубоватом свете, и вскоре от него осталась только тень, которая медленно сползла по стене и исчезла в трещине.

Трещина закрылась.

Свет погас.

Мавзолей снова погрузился в желтый полумрак.

И Ленин остался один.

Он лежал в стеклянном гробу, чувствуя, как кровь на его коже начинает застывать. Она превращалась в корку, которая сковывала его движения, делая его еще более неподвижным. Он был замурован в собственном теле, как в тюрьме.

«Ангел умер, — подумал он. — Мой ангел умер. И теперь я совсем один. Никто не защитит меня. Никто не спасет. Я должен пройти через это сам».

Он слышал, как поезд приближается. Теперь он был совсем близко, где-то под землей, под его ногами. Стук колес стал почти оглушительным, он заполнял все пространство Мавзолея, отражаясь от стен, как эхо.

«Скоро, — подумал Ленин. — Скоро я сяду в него. И тогда начнется самое страшное».

Он не знал, что ждет его в этом поезде. Он не знал, кто будет его попутчиками. Он не знал, сможет ли он вынести это путешествие.

Но он знал одно: он не сможет избежать его.

Потому что поезд уходит без свистка.

И он никогда не возвращается.

Вдруг он почувствовал, что его тело начинает подниматься. Не по своей воле — оно просто отрывалось от бархатного ложа, как будто какая-то невидимая сила тянула его вверх. Он парил над саркофагом, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Он смотрел на свое тело сверху. Оно лежало внизу, неподвижное, спокойное, с закрытыми глазами. Оно выглядело как труп. Как мумия. Как то, чем он был.

«Я умер, — понял он. — Я действительно умер. Это я — дух. Это я покидаю тело».

Он поднимался все выше, к сводам Мавзолея, проходя сквозь стены, сквозь потолок, сквозь землю. Он видел Красную площадь, звезды Кремля, ночь, которая опускалась на Москву.

И он видел поезд.

Он стоял на путях, которые вели в никуда. Черный, длинный, с окнами, за которыми горели тусклые лампы. У него не было паровоза, не было машиниста, не было никого. Но он ждал. Он ждал своего пассажира.

Ленин понял, что это его поезд.

Он опустился на платформу, которая появилась из ниоткуда, и пошел к нему. Ноги его не касались земли — он парил над ней, как призрак.

Двери вагона открылись сами.

Внутри было темно и холодно. Пахло пылью, старым деревом и чем-то сладким, похожим на ладан.

И он вошел.

Двери за ним закрылись.

Поезд тронулся.

И Ленин остался один в темном вагоне.

Вокруг него была тишина.

Только стук колес.

Только бесконечный путь.

И он знал: этот путь будет длиться вечно.

Он закрыл глаза, хотя они уже были закрыты, и почувствовал, как поезд уносит его в неизвестность.

«Где я?» — спросил он себя.

Но ответа не было.

Только холод.

Только тьма.

И стук колес, который становился все громче и громче, как биение его собственного сердца.

Сердца, которого больше не было.

Глава 6. Поезд без свистка

Вагон был длинным, бесконечным, как коридор в гостинице кошмаров.

Он стоял посреди него, чувствуя под ногами деревянный пол, который скрипел и прогибался от каждого его движения. Но он не двигался. Он просто стоял и смотрел вдаль, туда, где вагон терялся в туманной дымке, уходящей в бесконечность.

Стены были обиты темно-зеленым плюшем, местами выцветшим, местами покрытым пятнами, которые можно было принять за плесень. Но он знал — это была не плесень. Это были следы чьих-то рук, чьих-то тел, чьих-то жизней, которые проходили здесь раньше.

Окна были занавешены тяжелыми шторами, почти черными, с бахромой, которая свисала до самого пола. За шторами не было ничего. Только тьма. Не та тьма, что бывает ночью, когда глаза привыкают к темноте и начинают различать силуэты. Нет. Это была абсолютная, первозданная тьма, в которой не было ни звезд, ни света, ни надежды.

Ленин сделал первый шаг.

Пол под его ногой жалобно заскрипел, как будто он наступил на больную кость. Он остановился, прислушиваясь к звуку, но вагон молчал. Только колеса стучали где-то далеко внизу, монотонно, ритмично, гипнотически.

«Где я? — подумал он. — Я же только что был в Мавзолее. Я видел ангела. Я слышал голоса. Я парил над Москвой. А теперь я здесь, в этом вагоне. Как я сюда попал?»

Он попытался вспомнить момент перехода, но память подводила. Было только ощущение: холод, провал, темнота. И вот он уже здесь, стоит на шатком полу и пытается понять, куда едет этот поезд.

Он подошел к ближайшей двери. Она была такой же темной, как шторы, с медной ручкой, которая тускло поблескивала в полумраке. Он потянул ее на себя.

Дверь не поддавалась.

Она была заперта. Или заколочена. Или вообще не существовала как дверь, а была лишь нарисована на стене. Он провел по ней пальцами — поверхность была гладкой, холодной, как металл.

«Заперто, — подумал он. — Хорошо. Значит, я не могу выйти. Я заперт внутри».

Он пошел дальше.

Вагон продолжался. И продолжался. И продолжался. Каждый метр был похож на предыдущий: те же темно-зеленые стены, те же занавешенные окна, та же мертвая тишина, нарушаемая только стуком колес.

Он прошел мимо десятка дверей, и все они были заперты. Он прошел мимо сотни окон, и за каждым была та же бесконечная тьма. Он начал думать, что этот вагон никогда не кончится, что он будет идти по нему вечно, пока не упадет от усталости.

Но тут он увидел свет.

Он исходил из-под одной из дверей. Тусклый, желтоватый, дрожащий, как пламя свечи. И в этом свете он услышал голоса. Два голоса. Один — низкий, басовитый, с металлическими нотками. Другой — мягкий, журчащий, почти женский, хотя он знал, что он мужской.

Он подошел к двери и приложил ухо.

— ...он уже здесь, — говорил басовитый голос. — Я чувствую его. Как запах горелого мяса.

— Ты всегда был слишком чувствительным, — отвечал мягкий голос. — Это просто пассажир. Таких как он у нас были сотни. Тысячи.

— Но не таких, как этот, — настаивал басовитый. — Этот особенный. Он убил Бога.

— Он убил веру, — поправил мягкий голос. — Бога убить нельзя. Бог всегда был, есть и будет. А вот вера — да. Ее можно убить. И он убил ее. У него на руках кровь миллионов.

Ленин отпрянул от двери.

Они говорили о нем. Они знали, кто он. Но кто они сами? И что они делают в этом вагоне?

Он снова приложил ухо.

— Впусти его, — сказал мягкий голос. — Хватит прятаться. Мы все здесь для одного дела. Пусть войдет.

Дверь перед ним распахнулась сама собой.

Он вошел.

Это было купе. Такое же, как в старых поездах: два дивана, обитых красным бархатом, столик между ними, маленькая лампа под абажуром, которая давала тот самый дрожащий желтый свет. И двое мужчин.

Один был высоким, худым, с длинными белыми волосами, которые падали на плечи. Он был одет во что-то белое, струящееся, похожее на ризу священника. Но он не был священником. От него исходил холод. Не тот холод, что бывает в морозный день, а тот, что бывает в могилах. Этот холод пронизывал до костей, до мозга, до самой души.

Второй был низким, коренастым, с круглым лицом и хитрыми глазами, которые поблескивали в темноте. Он был одет в черный костюм, но костюм этот сидел на нем странно, как будто был сшит из теней. И он улыбался. Улыбка его была маслянистой, сладкой, отвратительной.

— Добро пожаловать, Владимир Ильич, — сказал беловолосый холодным голосом. — Мы ждали тебя.

Ленин замер на пороге.

— Кто вы такие? — спросил он. Впервые за долгое время он заговорил вслух. Голос его звучал странно — хрипло, дребезжащее, как у человека, который не разговаривал целую вечность.

— Мы — твои попутчики, — ответил коренастый с улыбкой. — Меня зовут Темптер. Это — мое имя. Можешь называть меня так. Или просто Тьмой. Мне не важно.

— А меня — Михаил, — сказал беловолосый. — Я тот, кто был когда-то архангелом. Но теперь я просто попутчик. Как и ты.

Ленин почувствовал, как его горло сжалось от спазма.

— Архангел? — переспросил он. — Но архангелы...

— Архангелы существуют, — перебил его Михаил. — Как и демоны. Как и ад. Как и рай. Все существует, Владимир Ильич. Только ты думал, что это ложь.

— Я атеист, — твердо сказал Ленин. — Я не верю в бога. Я не верю в ангелов. Я не верю в демонов.

— Мы знаем, — сказал Темптер с усмешкой. — Мы все знаем. Поэтому мы и здесь. Мы те, кто должен показать тебе правду. Ты отрицал Бога — теперь ты встретишься с теми, кто тоже отрицал Его. Ты разрушал храмы — теперь ты увидишь, что осталось от твоих храмов. Ты убивал священников — теперь ты услышишь их голоса.

Ленин сделал шаг назад, но дверь за ним захлопнулась.

— Ты не сможешь уйти, — сказал Михаил. — Ты в поезде. Поезд идет. И он не остановится, пока не приедет к месту назначения.

— Куда мы едем? — спросил Ленин.

— В никуда, — ответил Темптер. — Или везде. Это зависит от того, как ты будешь смотреть на вещи. Мы едем в твоё прошлое, Владимир Ильич. Мы едем в твои грехи. Мы едем в твою боль.

Он подошел к столику и налил себе что-то из графина. Жидкость была темной, как кровь, и пахла странно — сладко и горько одновременно.

— Садись, — сказал он. — У нас много времени. У нас вечность.
Ленин сел.

Диван под ним оказался мягким, почти живым. Он поддавался, обволакивал, как будто хотел его поглотить. Он попытался отодвинуться, но диван держал его крепко.

— Расслабься, — сказал Темптер. — Это только начало. Позже будет хуже.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ленин.

— Ты встретишь всех, — ответил Михаил. — Всех, кто был как ты. Ученых, философов, революционеров. Всех, кто отрицал Бога и поплатился за это. Они расскажут тебе свои истории. Они покажут тебе свои страдания. И тогда ты поймешь, что твоя ошибка — это не просто ошибка. Это проклятие.

— Я не делал ошибок, — твердо сказал Ленин. — Я делал революцию.

— Ты делал революцию против Бога, — сказал Михаил. — Ты думал, что человек может заменить Бога? Ты думал, что человек может быть бессмертным? Нет. Человек смертен. И даже смертные не могут заменить Вечность.

Ленин молчал.

Он сидел на диване и смотрел на двух своих попутчиков. Один из них был архангелом. Другой — демоном. И оба ненавидели его. Но при этом они были здесь, с ним, в этом поезде. Они не покидали его. Они следили за ним.

— Почему вы не оставите меня в покое? — спросил он. — Что я сделал вам?

— Ты ничего не сделал нам, — ответил Темптер. — Мы здесь не из мести. Мы здесь из долга. Мы должны провести тебя через все круги. Мы должны показать тебе всю правду. Это наша работа.

— Чья работа?

— Бога, — сказал Михаил. — Бога, которого ты отрицал. Он хочет, чтобы ты понял свою ошибку. И он отправил нас, чтобы мы помогли тебе.

Ленин засмеялся. Сухой, хриплый смех, который больше походил на кашель.

— Бог? — переспросил он. — Вы хотите сказать, что Бог, которого я не признавал, послал меня в этот кошмар, чтобы я понял свою ошибку?

— Да, — сказал Михаил. — Бог милосерден. Он дает тебе шанс.

— Шанс на что? — спросил Ленин.

— Шанс на искупление, — ответил Темптер. — Ты можешь искупить свои грехи. Ты можешь попросить прощения. Ты можешь поверить.

Ленин покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я не могу попросить прощения. Я не могу поверить. Я — Ленин. Я — вождь пролетариата. Я не прошу прощения. Я — непогрешим.

Темптер и Михаил переглянулись.

— Значит, ты выберешь страдание, — сказал Михаил. — Это твой выбор. Мы не будем тебя заставлять. Но мы будем рядом. Мы будем наблюдать. Мы будем слушать.

— И мы будем ждать, — добавил Темптер. — Ждать, когда ты сломаешься. Потому что ты сломаешься. Все ломаются. Даже великие.

Поезд дернулся.

Стекло в окне задрожало, и за ним, в бесконечной тьме, мелькнул огонек. Маленький, желтый, дрожащий, как свеча.

— Первая остановка, — сказал Михаил. — Мы прибываем.

Ленин встал.

— Куда? — спросил он.

— Туда, где начинаются твои грехи, — ответил Темптер. — В 1918 год. В подвал Ипатьевского дома. Царская семья ждет тебя. Они хотят поговорить с тобой.

Ленин почувствовал, как его сердце, которого не было, сжалось от страха.

— Нет, — сказал он. — Нет. Я не хочу их видеть.

— Ты должен, — сказал Михаил. — Это твой путь. И ты не можешь избежать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.